

Галина Михайлова
Вильнюсский университет

«НОКАУТ, ОДНАКО, НЕВОЗМОЖЕН В СИЛУ ЗАВИДНОЙ ЦЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЖА», ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ «АХМАТОБОРЧЕСТВО»

Первая часть заглавия данной статьи — реплика Александра К. Жолковского, не имеющая отношения к Анне Ахматовой¹. Однако она отражает суть многолетних усилий литературоведа в сфере избавления современников от «реставрации монархии или квазисоветского режима сильной руки»² посредством демистификации одного из «культурных героев» нации — Анны Ахматовой.

Начнем с того, что Ахматова, как любая творческая личность, обладала беспредельными способностями свободно порождать мысли, идеи и образы. Но действительно ли они беспредельны и какова степень свободы художника, если процесс порождения подконтролен и сдерживается внешними обстоятельствами? Имеются в виду те обстоятельства, которые связаны с внутренними границами «поля литературы», в котором Ахматова действовала как социальный и творческий субъект³.

Логика функционирования этого поля конструирует пространство возможностей для каждого из его агентов. Для поэта рамки этого пространства ограничиваются, обычно, производством художественных текстов. Для литературоведа — анализом и интерпретацией как производимой творцами продукции, так и личностей самих производителей.

Представляется, что Ахматова «злостно» нарушала существующие «договорные обязательства» агентов литературного поля по отношению

¹ А. Жолковский: *На Монмартре*. «Новый мир» 2007, № 9.

² А. Жолковский: *Ахматова-2007*. «Русский журнал» 10.03.2007 <<http://www.russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Ahmatova-2007>>. Все интернетовские сайты просмотрены 05.10.2011.

³ См.: П. Бурдьё: *Поле литературы*. Пер. с фр. М. Гронаса. «Новое литературное обозрение» 2000, № 45, с. 22–87.

друг к другу. Как заметил Жолковский, «писатель, издатель, критик, литературовед, составитель хрестоматий, школьный учитель литературы и собственно читатель являются членами единого института литературы, играя каждый свою роль в литературном процессе [...]»⁴. Но обратимся, к примеру, к *Прозе о поэме* и к записным книжкам Ахматовой для того чтобы увидеть, что эта поэтесса в зрелые годы собственноручно, в обход филологов, оформляла контуры своей литературной судьбы и художественного мира. Для примера укажем на один из фрагментов *Прозы о поэме* и на запись в блокноте от 15 марта 1963 г.:

И только сегодня мне удалось окончательно формулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничего не сказано в лоб. I. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух стихах, но для всех понятно. [...] II. Строки с двойным дном [...].

[...] мое имя вычеркнуто из списка живых до 1939 г. [...] Вокруг бушует первый слой революционной молодежи, с «законной гордостью» ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает гибнуть Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего, что он сделал (поэмы), Пастернак, уезжают Марина и Ходасевич. Так проходит десять лет. И принявшая опыт этих лет — страха, скуки, пустоты, смертного одиночества — в 1936 я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. [...] Возникает *Реквием* (1935–1940). Возврата к первой манере не может быть. [...] 1940 — апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь: разные и иногда, наверно, плохие [...].⁵

Раскрывая смысл метафоры «солидарное чтение», Жолковский писал:

[это] попросту говоря, позволять себе видеть в авторе только и ровно то, что этот автор желает, чтобы в нем видели. [...] Такая филология сознательно или бессознательно уподобляется религиозным практикам, отводя ученому не естественно присущую ему роль, аналогичную роли историка, теоретика и компаративиста религий, а роль почтительного служителя культа⁶.

Подобная ситуация и была названа «стратегией мифологизации личности и творчества Анны Ахматовой», осуществленной (и осу-

⁴ А. Жолковский: *Где кончается филология? Осенние зачистки на летних территориях*. «Звезда» 2007, № 1 <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/1/zh16.html>>. Разрядка моя — Г.М.

⁵ *Петербургские сны Анны Ахматовой. «Поэма без героя» (опыт реконструкции текста)*. Сост., вступ. статья, реконструкция текста и комментарии С.А. Коваленко. С.-Петербург: ООО Издательство «Росток» 2004, с. 192; *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Москва–Torino: Giulio Einaudi editore 1996, с. 311.

⁶ А. Жолковский: *Осторожно, треножник! Ответ оппоненту*. «Русский журнал» 30.07.2008 <<http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Ostorozhno-trenozhnik!>>.

ществляемой) не столько стараниями профессиональных критиков и литературоведов, сколько посредством личных усилий поэта. В этом-то и заключается «грех» Ахматовой, набравшей очки в «соревновательно-силовом характере взаимоотношений между автором художественного текста и его исследователем»⁷, и это-то и вызывает раздражение некоторых современных филологов и окололитературных деятелей (разумею, прежде всего, Александра Жолковского⁸ и Тамару Катаеву⁹).

Более того, Ахматова позволила себе вторгнуться в критический сегмент литературного поля со своими концепциями творчества Николая Гумилева, личности Александра Блока, судьбы и деятельности Александра Пушкина и Осипа Мандельштама, а также с и з о б л и ч а ю щ е й к р и т и к о й трудов отечественных и зарубежных филологов. Из возможных многочисленных тому доказательств приведу фрагмент из ее записных книжек:

По мнению одних (D.D. Di Sarra) — модная петербургск[ая] поэтесса, хозяйка великолепного салона на Фонтанке, вышла замуж в 1910 [году] за путешественника, поэта и искусного организатора литературных групп. (См. Мочульский *Андрей Белый*.) По мнению других (Глеб Струве), уже знаменитый после *Жемчужов* Н. Гумилев женился в Киеве на дочери отс[тавного] инж[енера]-мех[аника] флота А. Горенко. Еще: Гум[илев], глава акм[еистов], открывает Ахм[атову] (нем[ецкая] цитата). (И такое приходится читать чуть не каждый день). [...] Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, напр[имер], авторам диссертаций о Гумилеве, кот[орые] до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража[нии] Леконт де Лиллю и Эредиа¹⁰.

⁷ А. Жолковский: *Где кончается филология?*...

⁸ См.: А.К. Жолковский: *Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя*. «Звезда» 1996, № 9, с. 211–227; он же: *Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к жизнетворческой биографии Ахматовой*. «Wiener Slawistischer Almanach» 36 (1995), с. 119–154; он же: *В минус первом и минус втором зеркале*. В кн.: того же: *Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты*. Москва: РГГУ 2005; А.К. Жолковский, Л.Г. Панова: *Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой*. В кн.: *От слов к телу: Сб. статей к 60-летию Юрия Цивьяна*. Москва: Новое литературное обозрение 2010, с. 50–71. Из «ненаучных» опусов Жолковского см., к примеру, «виньетку» *Еще пара зеркал* («Новый мир» 2006, № 10), дополняющую биографическую демифологизацию Ахматовой ранее не учтенным мотивом, а также «виньетку» *Грозный, но не Terrible* («Новый мир» 2011, № 10), в которой самоотожествление Ахматовой со Сталиным трансформируется в образ «Ивана Грозного в юбке» на основании записей одного из конфиденентов Ахматовой, Павла Лукницкого (по определению Жолковского — «отчасти литературного секретаря, отчасти, по-видимому, любовника и стукача»).

⁹ Т. Катаева: *Анти-Ахматова*. Москва: ЕвроИНФО 2007; той же: *Отмена рабства. Анти-Ахматова — 2*. Москва: АСТ, Астрель 2011.

¹⁰ *Записные книжки Анны Ахматовой...*, с. 640. Упоминаются суждения итальянского литературоведа и переводчика Дана Данино Ди Сарра; русского историка литературы,

Учитывая вес и позиции Ахматовой в поле русской литературы, можно понять, насколько болезненным для профессиональных и следователей литературы были и остаются подобные действия поэтессы в свете конкурентной борьбы и распределения ролей и власти, которые структурируют литературное поле, как и всякое другое.

Здесь необходимо учитывать и своего рода травму, которую столетиями носят в себе русская литературная критика и литературоведение, функционирующие в обществе, где фигура именно писателя и именно художественное творчество воспринимались и, возможно, все еще воспринимаются чуть ли не как сакральные явления. Следы этой травмы инверсионно запечатлены в некоторых «коротких фрагментах жизненного текста» («виньетках») Жолковского. Так, наличие «институциональных баррикад» меж поэтами и литературоведами воспроизведено в *non-fiction* об авторе известного «анти-литературоведческого» *Описания обеда* Белле Ахмадулиной: «Я отрекомендовался ее [Ахмадулиной] давним почитателем, преподающим в местном университете русскую литературу, то есть, подразумевалось, представителем ненавистной ей корпорации [...]». Далее описано торжество филолога, «палаческим» образом спровоцировавшего поэта Ахмадулину на интертекстуальную интроспекцию¹¹. Авторскую безжалостную интроспекцию литератора в е д Жолковский продемонстрировал, анализируя свое остроумное высказывание в адрес писателя Дмитрия Быкова: «За то, что Вы прочли всего Золя, Вам можно простить, что Вы написали всего Быкова». Поиски интертекстуального контекста своего *mot* Жолковский завершил так: «[...] себе автор реплики отводит роль арбитра, оценивающего писателей свысока и расставляющего их по ранжиру. Более того, — и это главный прагматический ход, — он присваивает себе право прощать, право верховное, если не божественное»¹².

Немудрено, что Жолковского как крупнейшего и признанного современного и зыскаателя в области литературы менее всего устраивает как до поры до времени скрытая (рассчитанная на «провиденциаль-

литературного критика Константина Мочульского, автора книги *Андрей Белый* (Париж 1955); поэта, литературоведа, проф. Калифорнийского университета в Беркли Глеба Струве, одного из издателей и редакторов 4-томного собрания сочинений Николая Гумилева (Вашингтон, 1962–1968) и трехтомника сочинений Ахматовой. 1-й том ее сочинений, выпущенный в Вашингтоне в 1965 г., вызвал у Ахматовой негативную реакцию.

¹¹ А. Жолковский: «*Это я...*». «Звезда» 2000, № 4 <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/4/zholk006.html>>. См. также «виньетки» *Автографы* и *Unfortunately, бля* (там же).

¹² А. Жолковский: *Недостовавшее звено*. «Звезда» 2011, № 12 <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/12/zh20.html>>. Разрядка моя — Г.М. См. также: Э! — *сказали мы с Петром Ивановичем*. «Новый мир» 2009, № 7.

ного» читателя), так не скрываема (известный ахматовский прием устного «подкладывания мыслей»), но, в любом случае, вытесняющая мнения специалистов, претензия по э т а Ахматовой на придание значения и признание ценности своих и чужих литературных произведений. Одно из суждений Жолковского прямо свидетельствует об этом: «Работа критиков и исследователей — неотъемлемая и важная часть литературного процесса, того, что называют институтом литературы. Она вовсе не враждебна писательскому творчеству. Другое дело — вопрос о пропорциях»¹³. В одной из последних книг Жолковского «ахматорборческий» мотив введен посредством републикации работы 1996 г. *Три инвенции на грани лингвистики и поэтики*, во второй части которой анализируется программное стихотворение Ахматовой *Мне ни к чему одические рати... и*, в частности, заявлено:

Наличие за лопухами и лебедой железной силы, недаром снискавшей Ахматовой репутацию повелительницы, королевы, богини и статуи; ее постоянная и все возраставшая озабоченность своей славой и борьбой с соперниками; сознательная работа над ретушированием собственной биографии, включая правку воспоминаний о ней современников и даже писавшихся и лепившихся с нее портретов; одним словом, напряженная деятельность по самопрезентации поэтической личности ААА как властной в самом своем кенозисе харизматической фигуры — вот в чем состоял тот реальный, нуждавшийся в сокрытии и сложной сублимации сор, из которого росли ее стихи и весь тщательно мифологизированный текст ее жизнетворчества, — а отнюдь не в безобидной лебедке, стыдиться которой, действительно, было бы ни к чему¹⁴.

Что касается автора книги *Анти-Ахматова*, врача-дефектолога по образованию Татьяны Катаевой, то, по Пьеру Бурдые, чтобы заявить о себе и завоевать место в литературном поле, неопиты выбирают деструктивные по отношению к существующему порядку стратегии, отчасти полем санкционированные. Таковые нашлись в виде избранной авторитетным Жолковским разоблачительной стратегии в отношении к некоторым агентам поля русской литературы.

Жолковский великодушно поддержал первую книгу Катаевой¹⁵, но не раз в связи с этим возвращался к разъяснениям именно своего, а не

¹³ *Портативное небо. Александр Жолковский: «Наука, в том числе и филология, — не руководство к действию»*. Беседовал Ян Шенкман. «НГ Ex libris» 31.08.2006 <http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-08-31/2_zholkovski.html>. Разрядка моя — Г.М.

¹⁴ А.К. Жолковский: *Осторожно, треножник!* Москва: Издательство «Время» 2010 <http://fictionbook.ru/author/aleksandr_konstantinovich_jolkovskiy/ostorjino_treojnik/read_online.html?page=4>.

¹⁵ Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе (Интервью с Александром Жолковским)*. «Огонек» № 32, 6–12 августа 2007 г. Перепечатка под названием: «Анти-Ката-

катаевского, «эксперимента по очищению восприятия Ахматовой от культовой оболочки». Некогда Сергей Зенкин обозначил эффектную филологическую деятельность Жолковского как «структуралистское щегольство», попутно заметив: «Щеголь ищет обожания, но еще более избегает панибратства [...]»¹⁶. Лаконичная и двусмысленная оценка Жолковским скандальной книги Катаевой¹⁷, акцентирование своих «нюансированных высказываний» по этому поводу¹⁸, оттенок снисходительной презрительности по отношению к ее автору¹⁹ и неоднократное возвращение к теме «Анти-ахматова» — показатель того, о чем говорилось выше: скреплять копыя по поводу того или иного творческого феномена — прерогатива специализированного сегмента литературного поля, продуцирующего интерпретации не столько для массового читателя, сколько для самого корпуса производителей письма (коллег-критиков и авторов художественных текстов), т.е. для сообщества «взаимного восхищения и солидарности» (Бурдые). Поэтому Жолковский вступает в полемику с серьезными филологами: лингвист-

ева». Интервью. В кн.: А.К.: Осторожно, тренажник!..., с. 391–395; А. Жолковский: Ахматова-2007...

¹⁶ С. Зенкин: *С/З, или Трактат о щегольстве*. «Литературное обозрение» 1991, № 10, с. 36–39 <<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/review/shegol.htm>>. Та же эгоцентрическая рефлексия Жолковского-мемуариста была отмечена в иронично-доброжелательных репликах его блистательных коллег по филологическому цеху (Владимира А. Успенского, Виктора М. Живова, Михаила Вайскопфа) на презентации его книги *Звезды и немного нервно* в Клубе Журнального зала в июне 2008 г.: «автор любит себя так, что его любви хватает на всех» или «он никому не дает любить себя». См.: <<http://magazines.russ.ru/km/anons/club/180608/photo.html>>.

¹⁷ «[...] перед нами не исследование ахматовского мифотворчества, а еще один односторонний и тоталитарный ответ на столь же тоталитарную практику “института ААА” — адептов ахматовского мифа». Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе...* Разрядка моя — Г.М.

¹⁸ Нюансы заключаются в подчеркивании «полезности» книги Катаевой, которая, «при всех ее недостатках [...] привлекает внимание к теме, табуируемой ахматоведческим истеблишментом». А. Жолковский: *Осторожно, тренажник!...*

¹⁹ «Я получил это [книгу Катаевой] в подарок с уважительным инскриптом и сейчас чувствую себя в роли Ивана Федоровича Карамазова, морально ответственного за Павла Смердякова». Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе...* Разрядка моя — Г.М. В свою очередь, Катаева могла бы взять на себя ответственность за писательские/исследовательские приемы в одном из последних опусов Жолковского, написавшего: «Есть мнение, что все давно написано, так что ничего нового сочинять не надо, можно расслабиться и наслаждаться имеющимся. Если же руки очень чешутся — заняться монтажом наличных текстов, а еще лучше — их сокращением» и проделавшего эту операцию с воспоминаниями Татьяны Л. Сухотиной-Толстой, превратив их в «лолитообразный» текст. См. «виньетку» *Stranger than fiction*. «Новый мир» 2011, № 10 <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/zh8.html>. Разрядка моя — Г.М.

том и пушкинистом, д-ром наук Николаем В. Перцовым²⁰, д-ром наук, крупнейшим «ахматоведом» Романом Д. Тименчиком²¹, известным литературоведом и литературным критиком Борисом Сарновым²².

Аналогично, в качестве прозаика и автора «виньеток» Жолковский также избирателен в отношении их «первочитателей» и «первокритиков». Приведу два высказывания Жолковского, в которых очевидна его ориентация на филологическую элиту:

Когда десяток лет назад вышли мои рассказы о профессоре З. («НРЗБ»), Миша Ямпольский написал на них рецензию [...], в которой с убийственной точностью сформулировал дотоле мне самому не известную формулу их построения. В результате я перестал писать рассказы, а вместо этого вывесил на своем сайте Мишину рецензию²³.

Кстати, [Михаил] Безродный — мой любимый первый читатель. Напишу виньетку — посылаю ему. Он сразу начинает придирается: это можно написать короче, здесь есть стилистические несообразности, тут политические высказывания банальны... Его критику я с благодарностью впитываю²⁴.

Очевидно, что Жолковский прекрасно осведомлен о «солидарных» особенностях организационной культуры литературного поля²⁵. В качестве еще одного примера процитирую его воспоминания, героями которого являются литературовед, писатель Андрей Синявский и его жена Мария Розанова, издатели журнала «Синтаксис»:

²⁰ См.: А. Жолковский: *Осторожно, треножник! Ответ оппоненту*. См. также: Н. Перцов: *О феномене демифологизации классиков в современной культуре (В связи с «детской резвостью» двух почтенных профессоров)*. «Русский журнал» 23.08.2008 <<http://russ.ru/pole/O-fenomene-demifologizacii-klassikov-v-sovremennoj-kul-ture>>.

²¹ См. *ADDENDUM к неподцензурному варианту статьи А.К. Жолковского и Л.Г. Пановой «Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой (Das Karpalistische Opfer)»* <<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib236.htm>>.

²² См.: А. Жолковский: *Где кончается филология?...*

²³ А. Жолковский: «Я привержен традиционным эффектам». Беседу ведут Н. Григорьева и И.П. Смирнов. «Критическая масса» 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/km/2004/1/a9.html>>. Михаил Ямпольский — д-р искусствоведения, профессор Нью-Йоркского ун-та, автор книг и многочисленных работ по европейской культуре XIII–XX вв., семиотике, кино и литературе. Речь идет о его рецензии *Эмиграция как филология* на книгу А. Жолковского *НРЗБ* (Москва 1991), опубликованной в газете «Новое русское слово» 10. 07.1992.

²⁴ А. Жолковский: *Виньетка не просто байка — это литературный факт*. Беседу ведет Михаил Эдельштейн. «Лехаим», сентябрь 2008—эдул 5768 — 9 (197) <<http://www.lechaim.ru/ARHIV/197/LKL.htm>>. Михаил Безродный — известный филолог, преподаватель института славистики Гейдельбергского ун-та, лауреат премии Малый Букер и премии им. Андрея Синявского.

²⁵ См. весьма характерную с этой точки зрения «виньетку» А. Жолковского: *Кашрут в бессмертие* («Новый мир» 2006, № 10).

Был эпизод, когда я написал «маяковскоборческую» статью с синявским названием *Прогулки по Маяковскому* и отдал ее в «Синтаксис». Синявским не понравился мой наезд на Маяковского, который в ту эпоху, когда складывались их вкусы, был, кроме всего прочего, эзоповским псевдонимом Серебряного века. И Марья Васильевна сказала: «Ну ладно, мы напечатаем вашу статью, но сделаем вам небольшую врезку». Я ответил, что все врезки мне уже были сделаны в Союзе, не для того я родину продавал, чтобы мне делали врезки, и статью забрал. При всем том (*sic!*) я продолжал бывать у них в доме, печататься в «Синтаксисе», наши отношения отнюдь не прервались²⁶.

Итак, право на истинность суждений принадлежит определенной суб-культуре поля — элитарной филологии, в гораздо меньшей степени — суб-культуре творцов и, отнюдь, не маргиналам литературного поля, вроде Катаевой.

Сделаю небольшое отступление, связанное с тем, что писатель и журналист Дмитрий Быков в определенной степени является полноправным «персонажем» данной статьи. Поэтому сошлюсь на его относительно недавний опыт, приобретенный при написании биографии Бориса Пастернака для серии «ЖЗЛ»:

Когда я написал первую половину книги и стало ясно, что она получается, многие пастернаковеды и особенно пастернаковедки стали штурмовать серию «ЖЗЛ». Чтобы биографию поэта «отдали им, а меня бортанули оттуда. Одна такая особа кричала: “Как может ведущий программы ‘Времечко’, носящий шорты, писать что-то о Пастернаке?!”²⁷. Добавлю, что после выхода книги (в 2005 г.) филологи Гр. Амелин и В. Мордерер объявили ее «ошеломительно плохой» и «вредоносной»²⁸.

Вернемся, однако, к Александру Жолковскому, подытожив, что суть его претензий и демифологизирующего пафоса можно свести к тому, что в основе «мифа Ахматовой» лежат ее собственные суждения, т.е. притязания той, которая «преувеличивала свою образованность, бывала резка и поверхностна в суждениях» (из интервью Жолковского Быкову).

Между тем, обратимся к далеким 1940-м годам.

28 июля 1940 г. Пастернак, которого «ахматоборцы» любят противопоставлять Ахматовой по разным параметрам, поздравляет ее с выходом стихотворного сборника *Из шести книг*. Помимо восторгов, в письме Пастернака находит себе место и иное: борьба за дефиниции писателя и его творчества, которые манифестируются за пределы

²⁶ А. Жолковский: *Виньетка не просто байка...*

²⁷ Д. Быков: *Следующая книга — конец моей репутации!* «Газета недели» (Саратов) 15 марта 2011 г., № 8 <<http://ru.bykov.livejournal.com/1014998.html>>.

²⁸ Г. Амелин, В. Мордерер: *Дмитрий Быков. Борис Пастернак*. «Критическая масса» 2005, № 3–4.

литературного поля. Возмущаясь опубликованной в «Литературной газете» рецензией литературоведа Виктора Перцова на ахматовский сборник, Пастернак пишет:

Узнав, что я пишу вам, вам просили кланяться Софья Андреевна Толстая-Есенина, Нина Александровна Табидзе, Константин Александрович Федин и Зина. [...] Тон Перцова возмутил нас всех, но тут думают (между прочим, Толстой), что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о вас в журнале, а не в газете²⁹.

Налицо стремление представителей определенного литературного субпространства передвинуть с в о и критерии и иерархию художественных ценностей в сферу их социо-культурного потребления, где доминируют шкалы литературных критиков, издателей и иных властных структур. Немаловажно и то, что этот процесс разворачивается в рамках работы литературной секции Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Как свидетельствовал Виталий Я. Виленкин, писатели Алексей Толстой, Николай Асеев и Александр Фадеев «с явным удовольствием» ратовали за выдвижении книги Ахматовой на эту премию³⁰. Позднее Пастернак сам осуществил идею продвижения писательских мерок и оценок в «пространство социально институтируемых позиций» (Бурдые), создав несколько вариантов рецензии на *Избранное* Ахматовой, изданное в Ташкенте в 1943 г.³¹. Ни один из вариантов опубликован не был.

То, что две категории иерархий и критериев (писательские и литературоведческие) вступали и вступают до сих пор в непримиримое противоречие прекрасно иллюстрируют строки из внутренней рецензии 1965 г. известного советского критика и литературоведа Евгении Книпович на составленную Ахматовой книгу *Бег времени*: «Пусть простит автор мою дерзость, но три посвящения Б. Пастернаку идут мимо сути, и все было не так, и трагедия художника была не та»³².

Исходя из вышесказанного, почему бы не предположить, что в основе современного «ахматоборчества» лежит битва за манифестации образов

²⁹ Цит. по: В.А. Черных: *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. второе, испр. и доп. Москва: «Индрик» 2008, с. 324. Разрядка моя — Г.М.

³⁰ В. Виленкин: *В сто первом зеркале*. Москва: Советский писатель 1987, с. 17.

³¹ См.: Б. Пастернак: *Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве*. Москва: «Искусство» 1990, с. 156–158, 281–282.

³² Цит. по: М. Кралин: *Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках*. Томск: Издательство «Водолей» 2000, с. 187. Разрядка моя — Г.М.

истории литературы и ее фигурантов в пространстве социального функционирования культуры: п о л н о п р а в н ы м их автором, с точки зрения филологов и литературных критиков, должен быть представитель именно этого «цеха», или, как сказал тот же Жолковский: «Дело поэта — творить миф, дело исследователя — его вскрывать [...]»³³.

И совсем иное дело, продолжу я, когда мифотворец своевольно имплицитно свой миф вовне литературного поля, оставляя филолога и литературного критика без куска хлеба, или, по Бурдые, без того культурного капитала, который легко конвертируется в экономический.

Можно задаться вопросом, отчего в этом случае «[...] борческий» процесс миновал, к примеру, Марину Цветаеву — не менее, а, может, и более блестящего интерпретатора своей поэзии и творчества собратьев по перу. Предварительный ответ, вероятно, будет следующим: есть значительная разница в социальном и символическом капиталах Ахматовой и Цветаевой; и здесь не важно, у кого этот капитал был большим, имеет значение то, что это капиталы разного рода и наполнения. Как выразился Жолковский: «А что касается культа, то он более слабый у нее [Цветаевой]. Она пользуется специальной культовой славой в узком кругу [...]»³⁴.

Вероятно, играет роль и различие в институциональном капитале³⁵ и властных позициях филологов, занимающихся творчеством Ахматовой и Цветаевой, потому что сравнение, к примеру, ведущих российских «цветаеведов» — писательницы Анны Саакянц и выпускницы ЛГУ, филолога Ирмы Кудровой — с профессором, российско-американским лингвистом и литературоведом Александром Жолковским или профессором Еврейского университета в Иерусалиме Романом Тименчиком будет не в пользу первых.

Теперь обратим внимание на риторику «ахматоборческой» деятельности Жолковского.

Интенция литературоведа — сотворить из Ахматовой «тоталитарного идеолога». При этом он уточняет свою позицию: сотворить «не тщеславную роковую женщину», а образчик «репрессивной власти и тотальности претензий на идейную непогрешимость»³⁶. Создавая

³³ Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе...*

³⁴ У нас в гостях профессор Жолковский Александр Константинович... Беседа с Дм. Быковым <<http://tudocs.exdat.com/docs/index-244335.html>>.

³⁵ О видах капитала см.: П. Бурдые: *Формы капитала*. «Экономическая социология» 2002, № 5, с. 60–75; Дж. Коулман: *Капитал социальный и человеческий*. «Общественные науки и современность» 2001, № 3, с. 121–139.

³⁶ А.К. Жолковский: *Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя* <<http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/aaa.htm>>.

ложную дилемму, Жолковский обозначает неприятный и отталкивающий путь истолкования личности поэта в полоролевых терминах: «тщеславная роковая женщина».

Реализуя поставленную цель, литературовед опирается, главным образом, на мемуарные свидетельства как на документы высокой степени «фактической истинности», транслирующие образ, запрограммированный самой Ахматовой — на воспоминания и записи Эммы Г. Герштейн, Лидии К. Чуковской, Натальи А. Роскиной, Надежды Я. Мандельштам. Однако при этом делает реверанс в сторону Романа Яacobсона, цитируя его предсмертный совет Кристине Поморской, занимавшейся биографией Маяковского: «Не читай ты эти х б а б!»³⁷. Включая в число единомышленников весьма авторитетное лицо³⁸ (одного из крупнейших лингвистов прошлого века Романа Яacobсона), Жолковский, вроде как, разделяет его точку зрения — но на что? На иерархический характер источников, на неполноценность воспоминаний и субъективность записок, оставленных потомкам женщинами.

Статья, в которой героем *name dropping'a* у Жолковского является Яacobсон, была опубликована в 1996 г., но и одиннадцать лет спустя, в интервью Дмитрию Быкову, рассуждая об ахматовском «мифе», сформировавшемся в социо-культурном пространстве с подачи самого «культурного героя», он заключает: «На этот счет есть пословица: “Н е б а б а убила лося, а так удалось”» (разрядка моя — Г.М.).

В этом же интервью есть еще одно заявление, относящееся к книге Катаевой: «[...] похоже на свидание Катерины Ивановны с Грушенькой. Жен щ и н а п р и ш л а к ж е н щ и н е и к а т и т н а н е е б о ч к у»³⁹. Вновь Жолковский оперирует приемами ложной аргументации, используя эмоциональные высказывания и ассоциации, которые заложены в их метафорике. Но интересно другое: в одних случаях свободные, а в других контролируемые движения литературоведа в половую и гендерную сферы свидетельствуют о таком, открытом Фрейдом, свойстве речи как, п р о г о в а р и в а я с ь, являть правду⁴⁰.

³⁷ Там же. Разрядка моя — Г.М.

³⁸ Ср. в эссе А. Жолковского о М.Л. Гаспарове: «[...] в Бахтине его [Гаспарова] раздражал непрофессионализм античника. Тот же упрек предъявлял он и Ольге Фрейденберг — не забуду страстную демифологизацию ее работ и имиджа, [...] излитую в *pendant* к моему ахматоборчеству». *Совершитель Гаспаров*. «Новое литературное обозрение» 2006, № 77 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/zh7.html>>.

³⁹ Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе...* Разрядка моя — Г.М.

⁴⁰ Забавно, что Жолковский, отвечая на упреки Николая Перцова, уличает его в подобных же «проговорах», свидетельствующих, с его точки зрения, о «раздвоении личности» оппонента-филолога. См.: А. Жолковский: *Осторожно, треножник!*...

Это лишнее доказательство того, что, как писала Аннетт Колодны, «чтение — это воспитуемая деятельность, и, как многие другие интерпретативные стратегии в нашем искусстве, она неизбежно сексуально закодирована и предопределена половыми различиями»⁴¹. Правда заключается в консервативно-охранительных сексистских обобщениях Жолковского. Он сам повинен в том, в чем упрекает Ахматову — в «тотальности претензий на идейную непогрешимость», нагружая слова «женщина», «женское» своей идеологией, в основании которой — мышление по половой аналогии (*thought by sexual analogy*). «Проговорки» Жолковского выстраиваются в систему, оперирующую категориями из понятийного аппарата критика-мужчины, рассматривающего произведение женщины. Эти понятия известны: мужчина — активен и силен, женщина — пассивна и слаба⁴². Раздражение вызывает уверенная авторитарная манера письма Ахматовой:

Настойчивое подчеркивание своей жертвенной причастности общей судьбе совмещено с общей и очень характерной для Ахматовой фигурой «женского своеволия»: выбор памятника строится по формуле «хочу того-то, не хочу того-то»⁴³; [...] в ход пускается любимый АА куртуазный язык: краснота тюльпана кодирует любовь и чувственность [...], а его грамматический род — мужские достоинства его владельца. Но самому партнеру слово не предоставляется. [...] Проявляется инвариантная установка АА на силу, моральную правоту, вердикт потомков и другие сугубо властные категории, — а не на сферу чувств⁴⁴.

Интересно то, что те же самые ценностные вертикали с высоты патриархатных позиций демонстрируют оппоненты Жолковского. Так Борис Сарнов акцентирует «неиссякающие слезы» эпилога *Реквиема*, привлекая внимание Жолковского к ахматовскому языку эмоций как свойству опять-таки «женского» письма, которое «ахматоборец» сознательно игнорировал, отдавая предпочтение при анализе поэмы ахматовскому «властному повороту»⁴⁵. Тот же оттенок групповой идентичности, зависть к осуществленной судьбе, преодолевшей патриархатные стереотипы, разглядел Быков в интенциях Катаевой, рассуждая о ее книге *Другой Пастернак: Личная жизнь. Темы и вариации* (2009): «В случае

⁴¹ A. Kolodny: *Reply to Commentaries: Women Writers, Literary Historians, and Martian Readers*. «New Literary History» [Charlottesville] 1980, Vol. 11, No. 3. *On Narrative and Narratives*: II, p. 588 (пер. с англ. И. Ильина).

⁴² См.: M. Ellmann: *Thinking About Women*. New York: Harcourt, Brace & World 1968.

⁴³ А.К. Жолковский: *Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к жизнетворческой биографии Ахматовой* <<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib111.htm>>.

⁴⁴ А.К. Жолковский, Л.Г. Панова: *Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой...*

⁴⁵ Б. Сарнов: *Опрокинутая купель*. «Вопросы литературы» 1997, № 3, с. 124–125.

с Ахматовой такая концепция — точней, доминирующая эмоция — наличествовала: женская ненависть, а может, ревность, к трагической, но триумфальной ахматовской судьбе»⁴⁶.

Между тем, ахматоведение предлагает образцы объективного, вне жонглирования половыми дефинициями, исследования. Например, покойный Владимир Мусатов, цитируя мнение Нины Королевой о том, что героиня стихотворения Ахматовой *Лотова жена* (1924) совершает свой выбор как женщина, а герой стихотворения *Данте* (1936) — как мужчина⁴⁷, пишет:

На самом деле Лотова жена и Данте представляли собой разные аспекты единой коллизии. Оба — нарушители положенных на них запретов и оба за это наказаны: первая превращена в соляной столп, второй изгнан из родимой Флоренции. И, наконец, оба они для Ахматовой — символ поведения личности в унижительных и безжалостных обстоятельствах. [...] Разница была лишь в том, что в 1924 году речь шла о нежелании предавать собственное прошлое, в 1936-м — об отказе каяться за совершенный выбор⁴⁸.

Практически все «ахматорборческие» исследования и высказывания Жолковского повествуют о том, как Ахматова перевернула с ног на голову стереотипные представления об отношениях между мужчиной и женщиной (власть — подчинение), представ образцом «самопрезентации поэтической личности как властной харизматической фигуры» и воплощением «железной поэтической дисциплины». Но при этом литературовед следует культурно-символическим интерпретациям пола, сложившейся символике мужского и женского, отождествляя мужское с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью, а женское — с природой, тьмой, пустотой, слабостью, беспомощностью, безответственностью, хаосом, пассивностью⁴⁹.

Оттого немалую часть статей Жолковского занимают умело подобранные цитаты о том, как Ахматова обременяла собою друзей и знакомых,

⁴⁶ Д. Быков: *Другая Катаева*. «Профиль» 17.08.2009, № 29 (632) <<http://www.profile.ru/items/?item=28849>>.

⁴⁷ Н.В. Королева: *«Могла ли Биче, словно Дант, творить...»*. Проблема женского в творчестве Ахматовой. В кн.: *Ахматовские чтения*. Вып. 2: *Тайны ремесла*. Москва: Наследие 1992, с. 97.

⁴⁸ В.В. Мусатов: *«В то время я гостила на земле...»*. Лирика Анны Ахматовой. Москва: «Словари.ру» 2007, с. 285–286. Разрядка моя — Г.М.

⁴⁹ Отдельного упоминания и анализа заслуживает пристрастие Жолковского к интерпретации текстов с мизогинистскими установками: от работы *О гени и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому)* начала 1990-х гг. до современной статьи об одном из рассказов Абрама Терца (А. Синявского) *«Пхенц» на рандеву: ню, меню, дежавю*. «Новое литературное обозрение» 2011, № 109.

«капризно» помыкая ими, как «королевствовала» преимущественно в лежачей позе, как была «болезненно» озабочена соперничеством с Пастернаком (*Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к жизнетворческой биографии Ахматовой*); как вела «коклетливую игру в таинственность и скромность паче гордости» и являла деспотизм в «диапазоне от невинного кокетства до настоящей жестокости» (*Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя*); как «последовательно полагалась на “женские хитрости”», как трансформировала романтическую стилистику одних любовных стихов в «истерический дискурс» других, как использовала «дразнящие крупные планы гейши», а затем освободила текст «от чувственной моторики» и т.п. (*Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой*). И, разумеется, «эгоцентрическому монументализму» тщеславной Ахматовой противопоставлен «деконструктивный отказ» от памятника непритязательного Мандельштама, а ее высокомерному «ничегонделанью» — работоспособность и непривередливость Пастернака.

В свое время Сандра Гилберт и Сюзан Губер написали о бинаризме мужского видения женщины: его оппозицию составляют образы ангела и ведьмы. Обратной стороной мужской идеализации, воплощением мужского страха перед женской сущностью они назвали женщину-чудовище — не желающую самоотречься, имеющую свою историю и не приемлющую навязываемой патриархатом роли⁵⁰. Сравним у Жолковского: «[...] иногда [Ахматова] вполне оправдывала дневниковую оценку своей восторженной спутницы Лидии Чуковской: “О, чудовище!”»⁵¹.

Деконструкцию именно этого образа как лирической героини Ахматовой, так и личности самой поэтессы предлагает Жолковский, движимый пафосом разоблачения двуличности объекта демифологизации — соблазнительницы и победительницы, чье сознание оказалось не прозрачным для мужчины, в том числе и для литературоведа⁵².

Жолковский признает за Ахматовой «инклюзивность» личности, но оперирует при этом половой дефиницией: «инклюзивность облика

⁵⁰ S.M. Gilbert, S. Gubar: *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*. New Haven and London: Yale University Press 1979.

⁵¹ Д. Быков: *Снова пострадала, и снова в августе...*

⁵² Один из наиболее весомых аргументов в пользу сказанного — ряд эпизодов в мемуарных «виньетках» Жолковского, где герой «проговаривает» свою растерянность при столкновении с отдельными персонажами его богатого «дон-жуанского» списка — яркими, самодостаточными, уверенными в себе женщинами, зачастую феминистками. Вот где, действительно, *it's not about sex, it's about power* (см., к примеру: *Напрасные совершенства*. «Критическая масса» 2005, №3–4; *Бетти*. «Новый мир» 2006, № 10; *Полевая лингвистика*. там же).

поэта-женщины, включающей в себя разные ипостаси»⁵³. Поэтому позволительно иное словесное выражение этой характеристики: речь идет о поэте, воплотившем женскую субъективность «через присвоение индивидуальности во всей ее полноте, включая и присвоение тела» (Светлана Айвазова). Из этой «инклюзивности» (или «субъективности») Жолковский хотел бы исключить практически все ахматовские манифестации особенностей женского психокосма и, прежде всего, ее притязания на свое собственное «желание» за пределами, как писала Ахматова в *Северных элегиях*, «патриархального жара камина».

ADDENDUM

Разоблачая «властный миф» в его ахматовской ипостаси, литературовед Жолковский прибегнул к известной методологии, означенной им следующим образом: «Как растолочь символ и пустить по ветру метафору?! Разве что деконструировать...»⁵⁴. Деконструкция состоялась, обретая в текстах писателя Жолковского постмодернистский привкус эстетского глумления, как в той виньетке, где в сюрреалистических центонных сновидениях Ахматова предстает в виде Моны Лизы с усами (скрытое цитирование самого эпатажного творения Марселя Дюшана)⁵⁵.

Состоялось и «толчение» Ахматовой в «ступе» последователей и подражателей. И хотя Жолковский великодушно отдает лавры «учителя» Катаевой («Если вы выйдете в интернет, вы увидите в равных долях культовые и антикультовые тексты и хохмы, и стихи в адрес Ахматовой. Я считаю, что Катаева сыграла роль в этом»⁵⁶), идея о бисексуальности Ахматовой, пущенная по ветру самим «неисправимым натуралом», «преодолевшим сексуальное лицемерие», особенно полюбилась эпи-

⁵³ А. Жолковский: *Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя...* Разрядка моя — Г.М. Практически то же: «Для консолидации постсоветского общества особенно ценна преемственная инклюзивность облика поэта-женщины, расцветшей под знаком Серебряного века, отвергнувшей эмиграцию, выдержавшей замалчивание и другие испытания двух послереволюционных десятилетий, обретшей новый голос в годы Отечественной войны, не сломленной травлей 1946-го и последующих годов, пережившей Жданова и Сталина, постепенно вернувшей себе общественное признание в годы хрущевской оттепели, пережившей и ее, но уже в статусе полуофициального — “выездного” — полпреда российско-советской культуры, а после смерти, как водится в России, вкусившей ничем уже не омраченную славу». А. Жолковский: *Ахматова-2007...*

⁵⁴ А. Жолковский: *Острый галльский смысл*. «Новый мир» 2009, № 7 <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/7/zh8-pr.htm>.

⁵⁵ А. Жолковский: *Перед восходом солнца*. «Новый мир» 2007, № 9.

⁵⁶ *У нас в гостях профессор Жолковский Александр Константинович...*

гонам⁵⁷. Видимо, как было сказано Жолковским по другому поводу и вне связи с филологией, «приятно было включиться в разработанный топос»⁵⁸.

Galina Michalowa

„NOKAUT NIE JEST JEDNAK MOŻLIWY Z UWAGI NA PODZIWIU GODNĄ MONOLITYCZNOŚĆ POSTACI” ALBO WSPÓŁCZESNE „ACHMATOBÓRSTWO”

Streszczenie

Ostatnie prace literaturoznawcze Aleksandra Żółkowskiego koncentrują się na demitologizacji osobowości i twórczości Anny Achmatowej, a zwłaszcza jej strategii autoprezentacji. Podobne nastawienie odnaleźć można w dwóch książkach Tamary Katajewej (*Анти-Ахматова* i *Отмена рабства: Анти-Ахматова — 2*) autorki dalekiej od środowiska akademickiego. Autorka artykułu proponuje odczytanie takiego podejścia jako przejawu konfliktu interesów zwolenników monolitycznego „literackiego pola”. Aleksander Żółkowski daleki jest od tego, by przyzwać Annie Achmatowej na to, aby sama, w sposób zawołowany bądź jawny, określała znaczenie i wagę utworów zarówno swojego, jak i cudzego autorstwa.

Natomiast Tamara Katajewa wybiera strategie naruszające *status quo*, dlatego też zapewne wtóruje Żółkowskiemu, skupionemu na demaskowaniu Achmatowej.

W drugiej części artykułu poddano analizie retorykę Żółkowskiego zastosowaną do „walki z Achmatową”. Dezaprobata badacza dotycząca osobowości i twórczości poetki ujawniana jest z zastosowaniem klucza genderowego.

Galina Mikhailova

“HOWEVER, KNOCKOUT IS NOT POSSIBLE BECAUSE THE PERSON IS A MAN OF GREAT INTEGRITY”, OR MODERN VERSIONS OF THE FIGHT AGAINST “THE CULT-SIGNIFICANCE OF AKHMATOVA”

Summary

Alexander Zholkovsky's recent and current projects include a demythologizing study of Anna Akhmatova's creative and human personality and of her strategies of self-representation. The demythologizing of Akhmatova continues in the books *Anti-Akhmatova* and *Abolition of Slavery: Anti-Akhmatova — 2* by Tamara Kataeva, who is not professional literary critic. According to the paper's author, these deconstructive positions express the conflict of interest between various agents in the “field of literature”. Zholkovsky is one of the most remarkable figures in the field of Russian literary studies, and he is irritated by the hidden and obvious

⁵⁷ Отдельные «хохмы» такого рода Жолковский с удовольствием цитирует в филологическом эссе *О другом*, которое завершается выводом: «[...] получается, что обе наши великие поэтессы [Цветаева и Ахматова] в строгом смысле не женщины, а нечто гендерно третье (или четвертое?) — другое». «Новое литературное обозрение» 2011, № 112 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/zh17.html>>.

⁵⁸ А. Жолковский: *Through a Glass, Darkly, или 20 виньеток о любви (Погранэтьюды)*. «Новый мир» 2006, № 10 <http://magazines.russ.ru/novy_mi/2006/10/zh017.html>.

claims of the poet Akhmatova to make a self-assessment of her own personality and poetry, and to assign other writers and literary texts a cultural value. In regard to Kataeva, then in order to be seen as “literary agent” she chooses destructive strategy in relation to an existing order. This strategy is partly authorized by the “field of literature”. i.e. by Zholkovsky.

The intention of the second part of this paper is to discuss rhetorical devices of the discourse generated by Zholkovsky in his efforts to denounce Akhmatova. He tends to think by sexual analogies to explain contradictory woman-poet personality and poetry.